

УДК 339.97

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РОЛИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2011 г. **А.В. Кузнецов***

*Институт мировой экономики и международных отношений
Национальной академии наук Украины, Киев*

В статье доказывается ключевая роль Великобритании в эволюции англосаксонской модели капитализма и раскрываются факторы, указывающие на зависимое положение США в сфере управления глобальными процессами на современном этапе. Обосновывается тезис, что глобализация – это не создание равноправных условий для сосуществования различных цивилизаций, а подчинение всех существующих цивилизаций англосаксонской.

Ключевые слова: *англосаксонская цивилизация, отношения США – Великобритания, глобализация*

Роль британского фактора в формировании глобальных цивилизационных ценностей трудно переоценить. В результате промышленной революции XVIII–XIX веков Британия первой из европейских держав осуществила нелёгкий переход от аграрного уклада к индустриальному производству. Вследствие установления военно-торгового господства на морях, проведения жёсткой колониальной и искусной коммерческой политики, а также освоения прорывных новаторских технологий в производстве и промышленности, английская продукция активно распространялась по миру. Британия превратилась в “промышленную мастерскую” мира по изготовлению предметов индивидуального пользования и тем самым во многом предвосхитила эпоху массового потребления и господствующий в современном мире культ бытоустройства.

В период правления королевы Виктории (1837–1901 гг.) Британия захватила и поработила почти весь мир, стала его *полноправной хозяйкой*. Это укрепило уверенность метрополии в своей *особой* глобальной цивилизаторской миссии. Колонии неоднократно пытались восставать против владычества Британии, но все восстания жестоко подавлялись. Единственными, кому удалось выиграть войну за независимость, стали тринадцать североамериканских штатов.

Долгое время Британия не могла смириться с утратой своих североамериканских владений. Министр колоний Дж. Чэмберлен, пребывая в Америке с

* КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела глобальных систем современной цивилизации ИМЭМО Национальной академии наук Украины. E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

целью агитации за создание таможенного союза с США и Канадой, в своем выступлении в Филадельфии, в частности, отмечал: «Я отказываюсь считать себя чужим в Америке. Я согласен с тем дипломатом, который сказал как-то принцу Уэльскому, что наступит время, когда всё человечество будет делиться на три класса: на американцев, англичан и иностранцев» [5, с. 42]. Данное заявление не было лишь голословным сотрясанием воздуха. Ведь даже после окончательного принятия Соединенным Королевством факта утраты США и формального распада британской колониальной империи во второй половине XX века, **Англия** не отказалась от идеи цивилизаторского миссионерства, а только медленно и **незаметно для всего остального мира поменялась с США функциональными ролями**, осуществив тем самым «перезагрузку» стратегии англосаксонской экспансии.

В своё время сомнения относительно того, что ослабленная в результате Второй мировой войны Британия удовлетворится второстепенной ролью в мировой экономике, высказывал И.В. Сталин. «Можно ли полагать, что они (Англия и Франция. – *А.К.*) будут без конца терпеть нынешнее положение, когда американцы под шумок “помощи” по линии “плана Маршалла” внедряются в экономику Англии и Франции, стараясь превратить её в придаток экономики Соединённых Штатов Америки, когда американский капитал захватывает сырьё и рынки сбыта в англо-французских колониях и готовит таким образом катастрофу для высоких прибылей англо-французских капиталистов? Не вернее ли будет сказать, что капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция, в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними для того, чтобы обеспечить себе самостоятельное положение и, конечно, высокие прибыли?» [11, с. 33–34].

Оценивая потенциал англосаксонской цивилизации, в начале XX века известный российский критик и публицист И.В. Шкловский отмечал: «Англосаксонский мир полон жизни и много веков будет ещё впереди человечества, но в нём возможно перемещение центра тяжести из окостеневшей Англии в заатлантическую республику, например, в Канаду или в Австралию» [5, с. 73]. И.В. Шкловский ошибся лишь в определении географической точки, но совершенно точно предсказал стратегию будущего глобального продвижения англосаксонской цивилизации. Как отмечает английский историк Э. Робертс, «британцы переселились за Атлантику, чтобы продолжить свое мировое господство, они инкорпорировали свое постимперское величие в современный американский исторический проект» [17, с. 385].

Отдавая должное США как двигателю современного мирового развития, следует, однако, не упускать из внимания того факта, что, по своей сути, североамериканская нация – это лишь отпочковавшаяся ветвь англосаксонского родового дерева, которая с самого начала своего зарождения была лишена адекватной почвы для прорастания аристократических традиций и формирования уникальной идентичности. Американский экспансионизм во многом основан на привнесённом на американский континент «островном» менталитете англичан с их «жаждой земли» и страхом недостатка жизненного пространства.

Североамериканская нация формировалась под влиянием наследованных у Британии идей протестантизма, традиций английского общего права, граждан-

ских и политических свобод. Американцы заимствовали у англичан не только методы промышленной революции, но и активно перенимали модные в Англии течения в живописи, скульптуре и архитектуре [4, с. 259].

Во времена колонизации Америки господствующие классы, в особенности плантаторы Юга, во всем стремились подражать англичанам, что создавало благоприятные условия для влияния более развитой английской культуры. Дом плантатора был обставлен английской мебелью, сам он носил английское платье и парик, читал английские романы. Большое влияние оказала английская культура и на формирование американского народа [9, с. 46]. Когда Отто фон Бисмарк незадолго до смерти спросили, какой фактор он считает решающим в современной истории, последовал ответ: «тот факт, что североамериканцы говорят по-английски» [17, с. 384].

В своём стремлении к мировой гегемонии Америка и сегодня во многом копирует Британскую империю периода расцвета колонизации. С целью расширения своего глобального присутствия США затрачивают миллиардные ресурсы на развитие инновационной экономики, средств массовой информации и военно-морского флота, а также поддержания доллара в качестве мировой резервной валюты.

Однако, несмотря на прочные экономические и политические связи, установившиеся в рамках реализации политики «особых отношений» между США и Великобританией, сами британцы придерживаются невысокого мнения о своих партнёрах по ту сторону Атлантики. В негласном представлении британских политических элит, успехи Америки обусловлены в большей степени «физическим» наращиванием и устрашающей демонстрацией миру своей военно-промышленной мощи, нежели проведением взвешенной и результативной внешней политики.

В отличие от британцев, которые в преследовании своих внешнеполитических интересов демонстрируют неиссякаемый запас терпения, американцы, словно малые дети, хотят получать «всё и сразу». Уповая на свою исключительную успешность, США, однако, упускают из виду то обстоятельство, что британцы (за редким исключением) не навязывали колониям репрессивной идеологии метрополии. После установления жесткого контроля над их внешней торговлей, колониям предоставлялись широкие гражданские и духовные свободы наряду с правом на самоуправление. Подтверждением этому служит, к примеру, тот факт, что Индией, насчитывавшей около 300 млн. жителей, управляла всего менее чем одна тысяча британских чиновников, занимавших только высшие должности в администрации и суде. В свою очередь преимущественно мирный характер деколонизации позволил Великобритании обеспечить свои интересы в странах Содружества. Как пишет российский исследователь В. Соколов, «при провозглашении независимости сохранялась неприкосновенность британских инвестиций (в отличие от Франции, которая потеряла свои инвестиции в Индокитае, и Голландии – в Индонезии). В Индии на долю Великобритании в 1960 г. приходилось 78,6% иностранных инвестиций» [10, с. 98].

Анализируя ментальные особенности, отличающие американцев от англичан, ведущий научный сотрудник ИМЭМО НАН Украины Н.А. Татаренко, в частности, отмечает: «прежде всего – это разные горизонты мышления, где

такие понятия, как утонченность и сдержанность “невидимы” для многих американцев, а “жесткий разговор” (наследство ковбоев и гангстеров), “штампы”, заидеологизованность или определённый набор преувеличений (с целью упростить и сделать мыслительный образ более чётким), в определенной мере хвастовство и плебейское высокомерие лишены того смысла для англичан, который они имеют для американцев» [12, с. 256].

Британия до сих пор не может смириться с фактом утраты крупнейших североамериканских колоний. Но британские политтехнологи в совершенстве овладели искусством манипулирования амбициями США на пользу британских интересов и представляют США то в виде хронически больного жирного мальчика, не способного отказать себе в потреблении китайских сладостей, то в виде бога войны Марса, готового в любой момент обрушиться на ближневосточный мир всей силой своего ядерного арсенала.

Английские политики не упускают случая принизить собственное достоинство только для того, чтобы лишний раз поощрить тщеславие американцев. Во время своего визита в США новый премьер-министр Великобритании Дэвид Камерон в интервью журналистам сказал: «Я думаю, что в жизни очень важно называть вещи своими именами, и факт состоит в том, что мы являемся очень эффективным партнёром США, но при этом мы – младший партнёр» [6].

Вместе с тем, не будет большим преувеличением предположить, что «младший партнёр» сегодня зависит от США в такой же степени, в какой мудрая жена зависит от преуспевающего мужа. Пребывая в геополитической тени США, Британия пользуется их колоссальной финансовой и военной мощью для глобальной экспансии *англосаксонских* ценностей и реализации *своих* собственных национальных интересов.

Так, около половины международных финансовых активов США вложены в экономику Британии или обращаются на подконтрольных ей финансовых рынках. Треть иностранных компаний, работающих на британском рынке, являются американскими. В докризисный 2007 г. доля инвестиционных банков США в общих доходах от международной инвестиционной деятельности в Великобритании составила 53%. Ради сохранения привлекательности лондонского Сити для миллиардных портфелей американских банков британцы на многое закрывают глаза. Так, несмотря на недостаток офисного пространства на золотоносной «квадратной миле» лондонского Сити, американские инвестиционные банки ощущают себя там чрезвычайно уютно. Причина их повышенной комфортности, в частности, заключается в том, что фискальный период в Британии заканчивается на три месяца позже (31 декабря), чем в США (30 сентября) [14, с. 196–197]. Такая разница во времени служит поводом для американских компаний, работающих в Лондоне, со ссылкой на особенности американского законодательства, оттягивать уплату налогов в Великобритании. Подобная отсрочка дает возможность американским банкам для дополнительного обращения своих капиталов – так, что полученная в результате «прокрутки» прибыль с лихвой покрывает сумму начисленных налогов, сводя общий размер налоговых затрат банков практически к нулю. В свою очередь, около 29% накопленных прямых зарубежных инвестиций и всех заграничных активов Великобритании сосредоточены в США [18, с. 175].

При этом именно Соединённые Штаты фактически финансируют глобализацию. Их военный бюджет в 13,5 раза больше британского. Именно американцы несут основные расходы по разрешению международных вооружённых конфликтов, в том числе и основные человеческие потери в миротворческих операциях. Воинская повинность вызывает открытое раздражение в стране, которая так дорожит своей независимостью. Британия была владычицей морей, но отнюдь не суши. Её сухопутные войска были настолько немногочисленны, что Отто фон Бисмарк как-то сострил: если британская армия вторгнется в Германию, он прикажет местной полиции её арестовать. По численности вооружённых сил Британия занимает скромную 27-ю позицию в мировом рейтинге. Американские вооружённые силы, напротив, занимают первое место в мире во всех сферах, – на суше, море, в воздухе и космосе – а военный бюджет США превышает совокупные оборонные расходы 14 других наиболее мощных держав, и составляет почти 50% общемировых расходов на эти цели. Кроме того, в НИОКР военного назначения Вашингтон вкладывает больше средств, чем все другие страны мира вместе взятые [20, с. 26].

Как отмечает Э. Робертс, когда Британия и США действуют заодно, они добиваются успеха. По мнению английского историка, примером сказанному служат согласованные действия США и Великобритании во время освобождения Европы в 1944–1945 гг., в Корейской и Фолклендской войнах, в разрушении СССР, войне в Персидском заливе, освобождении Косово и свержении режима Саддама Хусейна. Несогласованность действий сулят неудачи: Пёрл-Харбор, Суэцкий кризис, Вьетнамская война [17, с. 386].

Экспансионистские устремления Британии на международной арене подтверждаются и целями её внешней политики. После Второй мировой войны британская внешняя политика реализовывалась через теорию «трёх окружностей», провозглашённую У. Черчиллем на ежегодной конференции консервативной партии в Лландидно в октябре 1948 г. Эта концепция предусматривала роль Англии в качестве главного партнера США, лидера Содружества наций и главной западноевропейской державы [8, с. 20]. Амбиции Лондона на закрепление руководящей роли в Западной Европе почти на двадцать лет отдалили вступление Британии в ЕЭС. Но и сегодня пять из семи основных целей стратегии британского внешнеполитического ведомства касаются расширения глобальной роли Британии, включая усиление значения этой страны в процессах управления Евросоюзом.

Следует отметить, что в ходе географического расширения зоны влияния Британской империи Лондон (находящийся на нулевом меридиане, разделяющем земной шар на Западное и Восточное полушарие) превратился в эпицентр международной деловой активности. Этому во многом способствовало как проведение сбалансированной государственной политики, направленной на создание в Британии наиболее благоприятного налогового режима для иностранных компаний и имущих индивидуумов, так и поддержание имиджа британской столицы в качестве поликультурного, многонационального и межконфессионального глобального центра.

В настоящее время в британской столице находится больше корпоративных штаб-квартир, чем в каком-либо другом городе мира, а количество филиалов

крупнейших транснациональных компаний и банков, расположенных в Соединённом Королевстве, вдвое превышает аналогичный показатель для США [19, р. 26–27]. На «квадратной миле» лондонского Сити в буквальном смысле слова обслуживается от одной трети до двух пятых всех сделок, заключаемых на международных финансовых рынках. По некоторым данным, в Лондоне проживает также наибольшее количество фунтовых миллиардеров в мире [2, с. 6].

Мнение об особой наднациональной роли лондонского Сити является предметом повышенного интереса мировой общественности и не оставляет равнодушных среди тех, кому случалось предметно заниматься изучением данного вопроса. В этой связи представляется интересной точка зрения Линдона Ларуша, известного американского экономиста и политического активиста, высказанная им в августе 2009 г. «Британская империя, – отмечает Ларуш, – не является империей британской нации над другими нациями. Британская империя, расположенная в финансовом центре Лондона, куда она переместилась из предыдущих имперских центров, непрерывно существует со времен Пелопонесской войны и является частью Европейской цивилизации. Смысл империи заключается в том, что частные банковские интересы контролируют мировую финансовую систему, а Лондон не принадлежит британскому народу, а выступает штаб-квартирой этой империи. В этом заключается проблема. Единственной мировой державой, которой под силу справиться с этой проблемой, являются США как другая монетарная империя. Однако, несмотря на попытки, предпринятые Ф. Рузвельтом в данной связи, Британская империя продолжает своё существование и по сей день» [15, р. 7].

Заметим, что финансовая система США оказалась под контролем иностранных банкиров (преимущественно английского происхождения) с самого начала становления США как независимого государства. Это произошло в результате следующих событий. После окончания войны за независимость правительство президента Дж. Вашингтона столкнулось с большими финансовыми трудностями. Финансовая система страны оказалась в хаотическом состоянии. В обращении находилась масса обесцененных долговых обязательств федеральных властей и штатов, выпущенных во время войны. Министр финансов А. Гамильтон предложил выплатить все долги по номинальной стоимости обязательств, чтобы продемонстрировать «должное уважение к собственности», что было выгодно кредиторам государства. План Гамильтона хранился в тайне, но «через каналы, оставшиеся неизвестными, спекулянты были проинформированы заблаговременно», что дало им возможность скупить обязательства за 10–15% их стоимости у мелких собственников, которые потеряли надежду вернуть свои деньги. В результате проведения плана Гамильтона в карманы спекулянтов перекечало 40 млн. долл. Вслед за этими событиями в 1791 г. конгресс учредил Банк Соединённых Штатов, получивший полномочия права эмиссии и предоставления займов. Главными акционерами Банка США стали англичане, которым, наряду с другими иностранцами, принадлежало 72% капитала банка [9, с. 121–122].

Следует отметить, что вопреки активно распространяемому мнению, что британское геостратегическое лидерство утратило свою актуальность, Соединённое Королевство успешно внедряет все новые механизмы расширения сво-

его глобального влияния, которые зачастую остаются скрытыми от невооружённого глаза.

В этой связи необходимо обратить внимание на тот факт, что Великобритания является самой дорогой из десяти конституционных монархий, сохранившихся в Европе. Невзирая на своё высокое затратное содержание и попытки реформирования, предпринятые в эпоху кромвелизма и тэтчеризма, институт монархии остаётся одним из главных символов стабильности и процветания Британии и продолжает пользоваться широкой поддержкой населения. По мнению 84-летней королевы Елизаветы II, которая пребывает на троне с 1953 г., наряду с английским парламентом монархия является вечной, непреходящей ценностью, определяющей идентичность нации, и служит «маяком, свет которого указывает путь последующим поколениям» [3, с. 200].

Несмотря на конституционные ограничения реального участия монарха в государственных делах, его авторитет чрезвычайно высок. Это обусловлено тем, что, являясь главой Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, английская королева также выступает главой 15 государств Содружества наций (и нескольких десятков заморских территорий), главой самого Содружества, верховным правителем Англиканской церкви и верховным главнокомандующим британскими вооружёнными силами. Кроме того, согласно английскому общему праву, английская королева является законным собственником земли всех государств и территорий, признающих её своим сувереном [13, с. 44]. Таким образом, объединяя в одном лице все указанные рычаги власти, английский монарх представляет собой наивысшее звено в британской управленческой иерархии, являясь сосредоточием прав, касающихся как внутреннего развития страны, так и вопросов глобальной политики. Как отмечает ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Г. Остапенко, «уникальность английского монархического института заключается в его исторической связи с могуществом Соединённого Королевства и самой структурой Британской империи, в преемственности власти. Причастность суверена к государственным делам достигается благодаря использованию им традиционных прав – быть информированным о всех происходящих событиях и давать советы премьер-министрам во время конфиденциальных еженедельных встреч» [3, с. 210].

Как следует из теории происхождения государства, именно монархи, а не демократически избранные правительства, рассматриваются заместителями Бога на земле. Монарх не подотчётен ни народу, ни правительству, он родился в королевской семье и никому, кроме Господа Бога ничем не обязан. Не исключено, что такое трепетное отношение к сохранению института монархии является скрытым инструментом вынашиваемых Британией планов в отношении восстановления ведущих позиций в глобальной управленческой иерархии. Ведь когда все остальные государства, убеждённые в преимуществах представительного правления, окончательно отдадут предпочтение модели парламентской демократии, британский суверен может остаться единственным столпом конституционной монархии на всём земном шаре.

Характерно, что до середины XIX века Британия осуществляла территориальную экспансию в основном с целью завоевания рынков для сбыта своей товарной продукции. Однако уже с 60-х годов XIX столетия стремление Бри-

тании к расширению заморских владений стало обуславливаться чрезвычайным ростом денежного капитала, который не находил больше прибыльного размещения внутри страны. И.В. Шкловский отмечает: «В эпоху расцвета промышленного капитала в Англии... денежный капитал, “эмигрирующий” за границу, ищет территорию, где бы можно было эксплуатировать местные богатства при помощи дешевого, туземного т.е. подневольного труда... британский космополитизированный капитал, как викинг, не страшится опасных рискованных предприятий. Он имеет много шансов проиграть, зато выиграв, не довольствуется малым, а желает всю ставку. Ему мало иметь денежный рынок, ему нужен полный контроль над ним (для верности)» [5, с. 96–97].

Уже к концу XIX века доходы Британии, получаемые от экспорта капитала, намного превышали доходы от внешней торговли. Образно говоря, именно тогда прялка «Дженни» и паровая машина Уатта окончательно уступили место финансовым инструментам и английскому праву в качестве проводников британского мирового могущества. Нарастив беспрецедентный объём финансовых активов и фактически связав корпоративный мир юридическими нормами англо-американского общего права, в начале XXI столетия, спустя всего полвека после завершения процесса обретения её колониями юридической независимости Великобритания готова к распространению своей гегемонии в новом постиндустриальном обществе.

С учётом вышесказанного, трудно согласиться с мнением американского политолога З. Бжезинского о том, что Британия является «ушедшей на покой геостратегической фигурой» [1, с. 58]. Не отвечает действительности и навешанное на современную Британию лёгким пером политологов клеймо «51-го американского штата», «пуделя Вашингтона» [7, с. 58], «болонки Обамы» [6], что якобы должно подчёркивать полную зависимость Соединённого Королевства от своего трансатлантического детища. Не представляется также убедительным и высказывание о том, что «большинство британских политиков считают “особые отношения” с США исчерпавшим себя проектом» [3, с. 21]. Напротив, анализ глубины взаимодействия США и Великобритании на всех уровнях современных международных экономических и политических отношений свидетельствует как раз об обратном: дополняя друг друга, данный англосаксонский дуумвират, словно портной и подмастерье, перекраивает систему мирохозяйственных связей под верховенство принципа тотальной экономической эффективности к собственной выгоде.

Можно предположить, что в своих глобальных действиях США управляются «невидимой рукой» и руководствуются принципами, идеологическая основа которых была заложена вне географических границ Америки задолго до её восхождения на трон мировой экономики. Можно также предположить, что эти принципы начали формироваться под воздействием интеллектуального движения периода Реформации и эпохи Просвещения и неразрывно связаны с историей развития цивилизации в Великобритании, которая выступает главным идеологом глобализации, в то время как США служат основным проводником воспроизводства англосаксонской модели капитализма в мировых масштабах. Именно поэтому, несмотря на то что США по праву считаются двигателем современного мирового развития, мотивация расширения их междуна-

родного присутствия во многом является обусловленной и в чём-то даже предопределённой. Британия не «потеряла» США, а лишь *поменяла свою стратегию* глобальной экспансии. Укрывшись в тылу мировой геополитики, Британия сохранила за собой функцию «мозгового центра» и «сердца» глобализации, в то время как США, постоянно находясь на передовой однополярного мира, стали исполнять роль её «ног, рук и мускульной силы».

Таким образом, глобализация – это не создание равноправных условий для сосуществования различных цивилизаций, а подчинение всех существующих цивилизаций англосаксонской. Кроме международных финансов англосаксонские страны контролируют значительные земельные ресурсы планеты, большинство ТНК, корпоративную культуру, средства массовой информации, правовую систему и систему образования, поп-культуру, и др. Сегодня социальные инженеры англосаксонского образца разрабатывают планы разбивки общества на сотни миллионов индивидуальных предприятий, предусматривая полный переход человека к работе на дому при помощи Интернета, через который он получает возможность интерактивно участвовать в общественной жизни. За счёт этого планируется разрешить проблемы недостатка офисного пространства, автомобильных пробок, загрязнения окружающей среды, резко снизить расходы работодателей на социальную сферу и страхование здоровья. Человеку не нужно будет выходить на пенсию. Он фактически будет занят пожизненно [16, р. 272–276].

Учитывая скорость распространения англосаксонских ценностей в рамках процессов глобализации, подобные планы выглядят не такими уж невыполнимыми. Конечно же, речь не идёт о ближайшей перспективе, но идея подведения мира под англосаксонский знаменатель выглядит вполне реальной, если рассматривать временной горизонт в 100–200 лет.

Англичане наделены удивительной способностью к обращению в удобное для себя русло энергии, высвобождаемой в результате межэтнических, религиозных и прочих противоречий, характерных для развития других стран. Они также обладают склонностью к манипуляции чужими страстями и амбициями, умело ставя их себе на службу. На современном этапе данное качество наиболее отчётливо проявляется во взаимоотношениях Британии с США. Однако в отличие от американцев, англичане обладают завидной стратегической прозорливостью, политической гибкостью и демонстрируют чрезвычайное упорство и терпение в достижении поставленных целей. На протяжении веков англосаксы направляли свои таланты и энергию на извлечение максимальной *коммерческой* выгоды из какой бы то ни было сферы деятельности человека, отказавшись от незаинтересованного познания мира. Безапелляционно положив «вещественную цивилизацию» в основу ценностей глобализации, англосаксы бросили недвусмысленный вызов человечеству. И от того, каким будет ответ на этот вызов, непосредственным образом зависит дальнейший ход развития современной цивилизации.

Список литературы

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. 256 с.
2. *Браун М.* Лондон – город миллиардеров // Русская мысль. 2006. № 34.

3. Великобритания: эпоха реформ / Под ред. А.А. Громыко. М.: Весь Мир, 2007. 536 с.
4. Головина О.В., Павленко Ю.В. Североамериканские колонии: социально-религиозные основания их республиканско-демократических учреждений и победа в борьбе за независимость / Цивилизационная структура современного мира. В 3-х томах. Под ред. Ю.Н. Пахомова, Ю.В. Павленко. Т.2. – Макрохристианский мир в эпоху глобализации. Киев.: Наукова думка, 2007. 691 с.
5. Діонео. Очерки современной Англии. С-Петербург: Русское богатство, 1903. 558 с.
6. Добровольский А. Британский премьер превратился в США в «болонку Оба-мы» // KM.RU. 23.07.2010 (http://news.km.ru/britanskij_premjer_prevratilsya_v/print).
7. Куликов А. Британские партии и американское влияние в 1990-е – 2000-е годы // Современная Европа. 2008. № 3 (35). С. 58–65.
8. Липкин М.А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957–1974 гг.) / М.А.Липкин. СПб.: Алетейя, 2009. 240 с.
9. Очерки новой и новейшей истории США / Под редакцией Г.Н. Севастьянова. Т.1. М.: Издательство Академии наук СССР. 1960. 632 с.
10. Соколов В. Распад Британской империи как перестройка геоэкономической системы (1947–1972) // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 96–109.
11. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 95 с.
12. Татаренко Н.А. Североамериканская ментальность и ее истоки / Цивилизационная структура современного мира. Под ред. Ю.Н. Пахомова, Ю.В. Павленко. В 3-х томах. Т.2. – Макрохристианский мир в эпоху глобализации. Киев: Наукова думка, 2007. 691 с.
13. Cahill K. Who Owns the World: The Hidden Facts Behind Landownership / Edinburgh and London: Mainstream Publishing, 2007. 640 p.
14. International Financial Statistics. Country Notes 2007. International Monetary Fund. Washington, 2007. 208 p.
15. LaRouche L. Mass Strike is Opportunity to Create New Monetary System // Executive Intelligence Review. August 28, 2009. P. 4–8.
16. Martino R.L. A Strategy for Success: Innovation Will Renew American Leadership // ORBIS. A Journal of World Affairs. 2007. Vol. 51. No. 2. Spring. P. 267–278.
17. Roberts A. The English-Speaking Peoples and Their World Role since 1900 // ORBIS. A Journal of World Affairs. 2007. Vol. 51. No. 3. P. 381–396.
18. United Kingdom Balance of Payments: The Pink Book 2010 Edition. Office for National Statistics. London, 2010. 212 p.
19. World Investment Report 2007. Transnational Corporations, Extractive Industries and Development / United Nations Conference on Trade and Development. New York, Geneva, 2007. 323 p.
20. Zakaria F. The Future of American Power // Foreign Affairs. 2008. May/June. P. 18–43.